

ШКЕРИН В. А.

**«МЯТЕЖНАЯ ТОЛПА» В СОЦИАЛЬНЫХ КОНФЛИКТАХ
НА УРАЛЬСКИХ ЧАСТНЫХ ЗАВОДАХ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX В.**

Роль «толпы» в истории — малоизученная тема в марксистской историографии. Мы можем назвать лишь одну крупную работу английского историка Джорджа Рюде, полностью посвященную изучению этой проблемы¹. В предисловии к русскому изданию его книги М. А. Барг следующим образом суммирует представления автора о толпе: «Толпа — это нерасчлененная общность людей, образовавшаяся на улице, на рыночной площади, на большой дороге, часто стихийно и по неожиданному поводу. Иными словами, в этом термине воплощены напряжение, легкая возбудимость, мобильность, неустойчивость, то, что прямо и непосредственно не выражено в понятиях «народные массы», «низы» и т. п. Кроме того, «толпа» — это синоним коллектива не только стихийно образовавшегося, но и неустойчивого, действия которого трудно предсказуемы, развивающего относительно большую энергию, хотя и на непродолжительное время. Наконец, толпа — это общность далеко не однородная: на различных этапах интересовавшего Рюде переходного периода и в различных конкретных ситуациях к пестрым по составу низам... могли неожиданно примкнуть и представители «среднего класса», а иногда и представители фрондирующей знати. Итак, «толпа» — это выражение социального протеста низов, момент их открытых социальных действий, их гласности»².

Первое и главное, с чем мы не можем согласиться в данном определении — это указание на неоднородность толпы, как один из важнейших ее признаков. Мнение о непрременной гетерогенности толпы вообще широко распространено как в марксистской, так и немарксистской социологии и социальной психологии. К такому же выводу приходит и Дж. Рюде в главе, специально посвященной анализу состава толпы³, хотя нельзя не заметить, что здесь он анализирует данные бунтов и даже исторических периодов в целом, тогда как ранее говорил об участии в тех или иных бунтах конкретных толп ткачей, гвоздильщиков, матросов,

¹ Рюде Дж. «Толпа» в истории. 1730—1848 // Рюде Дж. Народные низы в истории. 1730-1848. М., 1984. С. 15-260.

² Барг М. А. Предисловие // Рюде Дж. Указ. соч. С. 8.

³ Рюде Дж. Указ. соч. С. 203—222.

шахтеров, батраков. В данном случае нам кажется более обоснованной точка зрения советского философа Б. А. Грушина, рассматривающего толпу как вид массы (социальной общности, имеющей не групповой характер), которая может возникать не только на пересечении нескольких социальных групп, но и внутри одной из них⁴.

Отрицание гетерогенности как видоопределяющего признака толпы влечет за собой и другие замечания по поводу приведенного выше определения. Стихийность толпы неперемenna, и качество это выражается прежде всего в характере ее действий. Образоваться же толпа может и как следствие целенаправленных действий инициаторов создания данной общности. Если повод, по которому собралась толпа, может быть случайным, то действительные причины ее образования непременно имеют глубокие корни социального недовольства. В. И. Ленин отмечал, что «стихийность движения есть признак его глубины в массах»⁵. Место, где может собраться толпа, не играет существенной роли: не только там, где наиболее часто собираются представители различных социальных групп — «на улице, на рыночной площади, на большой дороге», но в любом месте, где оказались вместе несколько человек.

Итак, под термином «толпа» мы будем понимать малую социальную общность, не имеющую структуры и заранее определенного состава, при условии, если она возникла в одном месте, и индивиды, ее составляющие, находятся в контакте между собой. Толпе присуще специфическое психическое состояние, выражающееся в высокой эмоциональной напряженности, большой, но беспорядочной активности. Толпы могут возникать по самым различным поводам, поэтому вслед за Рюде мы повторим, что «наше главное внимание будет направлено ... на то, что социологи называли «агрессивной толпой» или «враждебными вспышками», имею в виду стачки, бунты, мятежи, восстания и революции»⁶. Сам Рюде назвал это «мятежной толпой».

Мы также исследовали внутригрупповую толпу, сознание которой имеет принципиально важную особенность. Содержание сознания гетерогенной толпы складывается под влиянием тех социальных групп (в частности сословий, классов), членами которых являются индивиды, ее составляющие, имеющие в ее составе весомое представительство. На сознание толпы, образовавшейся внутри группы, определяющее влияние оказывает сознание этой группы. Эта посылка дает возможность судить не только о сознании внутригрупповой толпы как особой социальной общности, но и о сознании и характерном поведении самой груп-

⁴ Грушин Б. А. Массовое сознание. Опыт определения и проблемы исследования. М., 1987. С. 221-223.

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 34. С. 217.

⁶ Рюде Дж. Указ. соч. С. 21.

пы в лице ее части, находящейся в условиях специфического психического состояния.

Предметом нашего исследования было поведение «мятежных толп» уральских рабочих (участников как основных, так и вспомогательных производств) в многочисленных волнениях на уральских частных заводах первой половины XIX в. Источниковой базой послужили рапорты, донесения чиновников, содержащие информацию о требованиях и действиях «мятежной толпы». Документы эти не предназначались для широкого круга читателей, носили чисто деловой характер, что говорит в пользу их достоверности.

Толпы, упоминаемые в донесениях, имели численность от 7 до 1200 чел. Как правило, подсчитывались одни мужчины. Достоверность этих цифр неоднозначна. Чиновникам не представляло труда подсчитать численность толпы до 200—250 чел. Подсчеты более крупных общностей лишь приблизительны. Возможны и намеренные искажения. Так, исполнявший должность главного начальника горных заводов Урала П. И. Порозов, руководивший подавлением восстания углежогов Ревдинского завода 1841 г., заинтересованный в том, чтобы показать бунт как менее устрашающим, утверждал, что в толпе было более 500 мужчин, а пермский гражданский губернатор И. И. Огарев, неустанно боровшийся с горным начальством за влияние в регионе, указывает число «до 400», хотя сам при этом не присутствовал⁷. Меньшие толпы (до 40 чел.) возникали не сами по себе, а как отпочковавшиеся (по своей воле или по принуждению) от более крупных. Определение общности в 7 чел. как толпы может вызвать возражения из-за малых ее размеров. Но как показал Б. А. Грушин, коллективная определенность не может быть признана существенным признаком толпы, и таковой может считаться «любое — свыше двух количество единиц»⁸.

Ничто так не привлекало внимания чиновников, непосредственно занимавшихся подавлением волнений, как психическое состояние толпы. Невозможно перечислить все выражения, которыми они описывали его: «неумолкающая и буйная толпа», «общий ропот и необычайный шум», «величайшее иступление бунтующей толпы», «нелепые и бездумные их изречения», писали, что рабочие предъявляли свои требования «с наглостью» и «в самых буйных выражениях», отвечали на встречные предложения чиновников «с грубостью и упорством», «азартным образом», «при всеобщем крике», «с величайшим криком и азартом» и т. п. Чиновники отмечали «непреклонность» рабочих, «вредное и опасное единомыслие», то, что рабочие «при всех убеждениях местного начальства остались упорными».

⁷ Рабочее движение в России в XIX веке. Сборник документов и материалов. М., 1955. Т. 1. Ч. 1. С. 262, 264, 269.

⁸ Грушин Б. А. Указ. соч. С. 207-208.

Волнения рабочих возникали по очень конкретным поводам, в центре каждого стояло одно основное требование, обычно даже без добавочных, второстепенных. Требования толпы исключительно редко менялись в ходе волнений. Можно предположить, что в основе возникновения «мятежной толпы» лежала неудовлетворенность не любых социальных значимых потребностей, а только тех, которые осознавались как первоочередные, жизненно важные в данный момент. В этом принципиальная разница между требованиями толпы рабочих и прошений, посланных от имени их социальных групп государственным сановникам и администрации заводов. В прошениях рабочие стремились дать возможно более полное описание своих нужд и обид и тем невольно маскировали «шкалу ценности» своих потребностей.

Выявленные нами требования, послужившие основным стимулом для начала волнения, следующие:

1. Отказ от выполнения промышленных работ вообще.
2. Претензии по оплате промышленного труда (недостаточная заработная плата, необоснованные вычеты из нее, оплата за фактически выполненные производственные задания, а не за отработанные дни).
3. Требование введения штатных расписаний казенных заводов.
4. Отказ от выполнения посторонних работ (в том числе и от занятий хлебопашеством).
5. Требование выдачи провианта не только на работников, но и на членов их семей.
6. Требование освобождения от выполнения промышленных работ престарелых, малолетних и «слабосильных».
7. Требование кадровых изменений в составе заводской администрации (вплоть до смены всей заводской администрации).
8. Требование освобождения из-под стражи ходатаев.

Требование освобождения от выполнения промышленных работ было лейтмотивом волнений, возникших при замене приписных крестьян непременными работниками, в частности волнений на Верхисетских заводах 1812 г. Приписные крестьяне этих заводов «не принимали никакого увещевания, кричали, что довольно уже при заводе работали, теперь более работать не хотят, а желают быть совершенно от заводских работ освобождены». Для приписных крестьян промышленные работы были самой тяжелой натуральной повинностью. Для непременных работников, сменивших их, они превратились в основной источник доходов, и в их волнениях требование освобождения от промышленных работ со второго десятилетия XIX в. уже не возникало.

Отказ заниматься хлебопашеством, напротив, представляется чисто рабочим движением. Рабочие, которых заставляли не только работать на заводах, но и кормить себя хлебопашеством, считали это несправедливым, требовали от заводоуправления выдачи провианта, и тем отчетливее проводили грань между собой и

крестьянством. Такие требования были основными во время волнений 1816 г. на Белорецком заводе Пашкова, 1847 г. на Алапаевских заводах. Белорецкие рабочие проявили завидное упорство, заявляя, что «земля вся выпахалась, да и способов к ее возделыванию они не имеют». Алапаевские неприменные работники возмущались, что «работы заводские так велики и изнурительны, что вести хлебопашество, доступное для пропитания семейств, они не могут». В журнале общего присутствия уральского горного правления об алапаевских неприменных рабочих написано: «Число этих могущих вести хлебопашество составляет лишь пятую часть против общего числа работников употребляемых в работы: остальные не имеют средств вести хлебопашество и не могут быть вполне наделены землей по недостатку ее»⁹.

Прочие требования также основаны на разумных потребностях, рождены не во время волнений и имеют аналогии в прошениях, которые рабочие подавали государственным сановникам или администрации заводов. Если верить чиновникам, то во время волнений рабочие прямо не вспоминали о фактах нанесения им моральных или физических оскорблений или увечий, о которых часто писали в прошениях. Возможно, понятие ценности отдельной личности не было еще развито у уральских рабочих настолько, чтобы ущерб, нанесенный ей, мог стать причиной возникновения массового волнения.

Итак, требования, которыми руководствовалась толпа уральских рабочих, были очень конкретны и вполне рациональны. К таким же выводам относительно толпы европейских народных «низов» приходит и Дж. Рюде. Он пишет «о твердых целевых установках народных масс, о целенаправленности их действий, даже в тех случаях, когда они выглядели совершенно стихийными»¹⁰.

Толпа не представлялась чиновникам безликой массой. Напротив, в документах ярко выражено стремление авторов выделить «начинщиков», «зачинщиков», «явных всего общества возмутителей», «главных руководителей» от «более слабых умов». Такой подход обусловлен и общими мировоззренческими установками чиновников и конкретными задачами, стоявшими перед ними (обезглавить и усмирить выступление). Рабочие со своей стороны постоянно отвечают, что они либо не укажут «начинщиков», либо (если они известны) не отдадут их, либо что их просто нет. Типичен ответ ревдинских бунтарей 1841 г. П. И. Порозову, «что они все равны и зачинщиков между ними нет»¹¹. Удивительно, насколько совпадает он с ответом французского грузчика, участвовавшего в июльском 1879 г. штурме Пале-Роя-

⁹ Рабочее движение... Т. 1. С. 366; Ч. 2. С. 297, 303-304.

¹⁰ Рюде Дж. Указ. соч. С. 239-245.

¹¹ Рабочее движение... Т. 1. Ч. 2. С. 262.

ля: «У нас не было вожаков, мы все равны». Приведя это высказывание, Рюде пишет, что такое действительно могло быть: в поле зрения властей попадали «не столько руководители в общепринятом смысле этого слова, сколько те, кто выделялся из общей массы своим энтузиазмом, мужеством и отвагой, предприимчивостью, тех, кто выкрикивал лозунги, совершал на виду у всех насильственные действия, или же тех, на кого указали соседи»¹². Уральские чиновники выделяли виновных из толпы таким же образом.

Обе противоборствовавшие стороны прекрасно понимали силу толпы, и, соответственно, одни пытались сохранить ее, другие — разобщить. Чиновники шли на переговоры с толпой лишь в крайних случаях и при малейшей возможности стремились убедить рабочих «вернуться к своим обязанностям», а для переговоров «избрать из среды людей доверенных». Как правило, переговоры начинались и часто заканчивались отказом чиновников говорить с толпой. «Тут же я сказал им, что толпами они ходить не должны; что с толпой я говорить ничего не хочу; что скоп их и заговор общий значит бунт», — описывал обер-берг-инспектор И. М. Земляничин свои действия во время алапаевского волнения 1847 г.¹³ Иногда одним разобщением толпы чиновникам удавалось справиться с волнением. Таким образом в 1816 г. заставляли рабочих Белорецкого завода заняться хлебопашеством: «Каждый крестьянин, будучи о том спрошен отдельно с кротким ему внушением обязанностей его в отношении к своему господину и не видя буйной готовности других к подкреплению себя, согласился без всякого противления приняться за обрабатывание полей». Отказались только 9 человек, были арестованы, затем также дали свое согласие¹⁴.

Толпа участников волнений всячески стремилась сохранить свою целостность, отказывалась выделять из своей среды доверенных лиц, требовала вести переговоры со всеми. Так повели себя мастеровые Сысертских заводов во время волнений 1807—1808 гг., мастеровые Кыштымских заводов — в 1822 г., старообрядцы Черноисточненского завода — в 1840 г., ревдинские углежогги — в 1841 г. и пр.¹⁵

Высокая степень сплоченности «мятежной толпы» уральских рабочих, однозначность, конкретность и твердость ее требований, действие психических процессов подражания и заражения часто склоняли толпу в пользу рискованного курса действий. На такой путь толкало рабочих частных заводов и слабое государственное регулирование их прав и обязанностей. На наш взгляд,

¹² Рюде Дж. Указ. соч. С. 237.

¹³ Рабочее движение... Т. 1. Ч. 2. С. 299.

¹⁴ Там же. С. 368.

¹⁵ Горловский М. А., Пятницкий А. Н. Из истории рабочего движения на Урале, Свердловск, 1954. С. 85-86, 128, 131, 140; Рабочее движение... Т. 1. Ч. 2. С. 256.

именно относительно этой бескомпромиссности «мятежной толпы», неспособности ее на разумный маневр можно признать верным обвинение ее в иррациональности, объединившей практически всех основателей социальной психологии¹⁶. Но нам не известно ни одного случая из истории уральских частных заводов первой половины XIX в., когда данное обвинение могло бы быть отнесено к требованиям «мятежной толпы». Они всегда вырабатывались до начала волнений, толпа лишь неукоснительно их придерживалась.

¹⁶ Сигеле С. Преступная толпа. СПб., 1896; Тард Ж. Общественное мнение и толпа. М., 1902.